

Паола Чони, М.А.Ариас-Вихиль

ВОСПОМИНАНИЯ О КАПРИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Приводятся свидетельства о работе Каприйской школы, оставленные непосредственными участниками событий. Эта информация мало использовалась исследователями для реконструкции фактов, так как большинство источников до сих пор не изданы, а часть преданы забвению. Среди них воспоминания Т.Алексинской, впервые опубликованные в 1923 году на французском языке в эмигрантском журнале *“La Grande revue”*, долгие годы они были доступны для историков, но никогда не цитировались в работах, посвященных восстановлению картины событий, связанных с Каприйской школой. Однако не увидели свет воспоминания А.А.Луначарской, и не были изданы воспоминания некоторых рабочих, обучавшихся в школе. И если недавняя публикация исследователями Ю.Шеррер и Д.Стейлой полного собрания писем организаторов школы и большевистских лидеров стала основой для понимания различных аспектов идеолого-политического диспута, связанного с созданием Каприйской школы и имевшего определяющее значение для будущего развития большевизма, то свидетельства других участников каприйского эксперимента помогают дополнить эту картину. Во второй части статьи мы приводим неизвестные воспоминания А.А.Луначарской, хранящиеся в Архиве А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук, в которых в 1956 году она рассказывает об организации Каприйской школы.

Ключевые слова: Горький, Луначарский, Богданов, Анна Луначарская, партийная школа на Капри, рабочие

Для восстановления полной картины событий, связанных с Каприйской школой, кроме находящихся в распоряжении историков писем ее организаторов «Горький—Богданов. Каприйская школа. Неизданная переписка» [1], важны воспоминания и свидетельства, оставленные теми, кто так или иначе участвовал в деятельности школы. К сожалению, исследователи не так часто пользуются этими материалами. В советский период и до начала 90-х годов, когда был открыт доступ в архивы, о Каприйской школе писали очень мало, хотя можно найти и весьма интересные статьи, послужившие основой для реконструкции каприйских событий. Среди них работы Лившица о Каприйской и Болонской школах [2-4], которые в течение многих лет были одним из немногих исследований, официально опубликованных о школе в Советском Союзе.

Среди важнейших воспоминаний непосредственных участников — статья одного из рабочих школы, В.М.Косарева, «Партийная школа на острове Капри», опубликованная в журнале «Сибирские огни» [5], записки Татьяны Алексинской *“Mémoires d’une socialiste russe”*, изданные на французском в 1923 году в *“La Grande revue”* [6], а впоследствии и на русском в журнале писателей-эмигрантов «Мосты» [7], которые дополняют сведения из воспоминаний жены А.В.Луначарского Анны Александровны Луначарской [8]. Также в архиве Горького хранятся воспоминания учеников школы К.Алферова [9] и И.Панкратова [10]. Нельзя не упомянуть также известные воспоминания Григория Алексинского, опубликованные в книге *“La vie amère de Maksim Gorky”* [11], и Луначарского, который не оставил подробных воспоминаний о школе, но часто касается этого сюжета в очерках, посвященных Горькому [12]. Для реконструкции взаимоотношений между преподавателями важным источником является дневник К.П.Пятницкого, хранящийся в Архиве А.М.Горького [13]. Как известно, идея создания школы для рабочих зародилась в первые месяцы 1909 года во время пребывания Богданова на Капри. Эту идею обычно связывают с именем Вилонова, уральского рабочего, прибывшего на Капри на лечение от туберкулеза, именно он, по словам Анны Луначарской, и стал настоящей душой проекта школы: «Своим возникновением каприйская школа вдвойне обязана замечательному человеку — М.Вилонову. Он был родоначальником ее идеи, и он же был главным организатором» [14].

На самом деле, написанием первой программы Алексинский занимался уже в 1908 году, как это можно понять из письма Богданова Горькому в феврале 1909 года, в котором сказано: «у Алексинского должен быть готовый проект; если Вы еще не выписали у него этот проект, надо выписать немедленно» [15, с. 43]. Речь шла о программе подготовки партийных активистов, на основе которой начала создаваться будущая Каприйская школа. Горький с большим интересом отнесся к совету Богданова и написал Алексинскому: «Ал(ександр) Александрович пишет, что у вас готовый проект заграничной школы для рабочих — не пришлите вы сюда этот проект?» [16, с. 88]. Речь шла о программе подготовки рабочих-эмигрантов к революционной деятельности [1, с. 111], которую Алексинский уже представлял редакции «Пролетария». Проект не был утвержден в «Пролетарии», но в то же время на Общероссийской конференции РСДРП, прошедшей 21 декабря 1908 г. в Париже, как о неотложной необходимости, говорилось о создании пропагандистских партийных кружков, в которых рабочие приобретали бы знания, требующиеся для выполнения партийных задач на местах [17, с. 74].

Убежденный в необходимости образования рабочих, Горький сразу же увлекся идеей школы. Проект должен был увенчаться изданием энциклопедии для рабочих. Действительно, основываясь на схеме исторического развития, предложенной Марксом, интеллигенция, объединившаяся вокруг Богданова, пыталась повторить в культурном плане путь буржуазии к французской революции. Однако они надеялись зайти гораздо дальше революционеров конца XVII века: они были убеждены, что, благодаря своей работе, сумеют добиться радикальной антропологической трансформации. В отличие от партийной школы, которую открыл Ленин в

Лонжюмо, организаторы Каприйской школы ставили своей целью не просто кадровую партийную подготовку, они хотели сформировать новую культуру и нового человека путем приобщения к культуре прошлого и ее переработки в пролетарском ключе.

Горький предоставил в распоряжение школы свою виллу на Капри и существенные денежные средства, позволившие состояться этому интересному опыту, в то время как организационной деятельностью занимался, главным образом, Вилонов [18-19]. Благодаря своему социальному происхождению и искренней тяге к знаниям он стал идеальным представителем нового типа пролетарского интеллектуала. Вилонов занимался чисто организационными аспектами: вместе с Горьким он составил обращение к российским партийным ячейкам, чтобы добиться признания школы, обойдя таким образом противодействие большевистского центра, и организовал приезд учеников из России.

Необходимо было преодолеть немало трудностей. Речь шла не только об утверждении проекта, требовалось отобрать в России учеников, найти способ переправить их в Италию, пройти полицейский контроль и оплатить расходы на проезд. Организация была так сложна, что, вероятно, даже сами создатели школы не были уверены в возможности осуществления проекта. Об этом пишет А.Луначарская: «Сначала эта идея показалась несбыточной, но наша жажда увидеть русских рабочих и поработать с ними, в конце концов, так завладела нами, что превозмогла все препятствия» [20]. Вилонов был до такой степени убежден в необходимости реализации проекта, что для разрешения ряда трудностей с перемещениями, несмотря на свою болезнь и решительное противодействие Горького, беспокоившегося о его возможном аресте, он отправился в Россию для организации отбора учащихся и получения окончательного согласия на московской конференции.

Отобранные для учебы рабочие проделали долгий и полный опасностей путь и прибыли на остров, тайно перейдя границы по меньшей мере половины стран Европы. Оказавшаяся на Капри группа состояла из «М.Я.Яковлева (Арсения), Ф.И.Сятковский (Константин / Вася), Ф.И.Калинин (Аркадий), Н.Н.Козырев (Фома); В.Е.Люшвин (Казимир или Пахом), А.С.Романов (Аля, Алексинский, Иван); И.И.Панкратов (Старовер или Ваня Казанец), В.М.Косарев (Борис или Владимир), К.А.Алферов (Яков или Константин), И.Г.Баташев (Юлий), М.И.Лобанов (Станислав), И.И.Бабинцев (Николай или Савелий), Н.Ю.Устинов (Василий) [9]. К этой первоначальной группе прибавился «Григорий» (А.М.Лушман), член Бунда. Кроме того, в качестве слушателей лекции посещали 12 рабочих, уже находившихся на Капри и «пожелавших учиться, чтобы потом поехать в Россию на партработу» [5, с. 66].

К трудностям, связанным с перемещениями и необходимостью для учащихся пересечь пол-Европы тайно [5, с. 64-65]; [9, с.1], к обеспокоенности организаторов перед затратами добавлялись постоянные нападки Ленина против «каприйцев» в социал-демократической прессе. Помимо этого положение «каприйцев» было двойственным: действительно, школа сумела добиться одобрения Московской окружной конференции РСДРП, но при условии, что ее деятельность будет находиться под контролем Большевистского центра. В результате сложилась явно противоречивая ситуация: Ленин, которому не удалось прекратить деятельность каприйской группы, отказался утвердить учебную программу. Однако «каприйцы» не дали себя запугать и, несмотря на то, что Плеханов, Троцкий, Роза Люксембург, Каутский и сам Ленин¹ отказались принять участие в деятельности школы в качестве преподавателей, сумели начать работу, собрав вокруг своего проекта группу видных интеллектуалов того времени, в том числе Базарова, Алексинского, Покровского.

Также нужно подчеркнуть, что Богданов, Горький и Луначарский, объединенные общим проектом школы, при этом далеко не всегда сходились во мнениях. Все три товарища по партии относились с одинаковым доверием к коллективизму и разделяли критический взгляд на марксизм, но имманентный иррационализм Горького и Луначарского, их понимание социализма как секулярной религии — все это было совершенно чуждо Богданову. Как замечает Чезаре де Микелис, один из первых ученых, исследовавших феномен богостроительства: «Луначарский по сути принимает гипотезу Фейербаха о религии как “проявлении в человеке скрытых сокровищ” и видит в Марксе главного инициатора возведения антропологии на уровень теологии и [...] утверждает научный социализм как религию». Следовательно, Бога нужно не искать, а строить, потому что, как сказал Фейербах, человек призван привнести в мир смысл. И религия, очищенная от метафизических структур, может быть признана «даже материалистом как положительная ценность» [21, с. 30].

Естественно, такие теоретические воззрения не мог разделять ни Богданов, ни другие преподаватели, как, например, Алексинский, видевший в богостроительстве самое настоящее оскорбление собственных взглядов и договорившийся с Горьким и Луначарским, что их теории должны оставаться за рамками образовательного процесса [7, с. 359]. Как рассказывает Татьяна Алексинская, Луначарский пришел даже к необходимости составления социалистических и пролетарских молитв. Например, он думал над адаптацией «Отче наш», в которой Бог просто должен был быть заменен на пролетария: «О, святой рабочий класс, да будет благословенно имя твое, да будет воля твоя, да придет царствие твое! [...] [Алексинский] считает, что такие измышления звучат оскорбительно как для христианства, так и для социалистического атеизма» [7, с. 357]. Несмотря на эти противоречия во взглядах, работа в партийной школе для рабочих на Капри началась 5 августа 1909 года.

Финансировали проект сам Горький, Мария Андреева, Фёдор Шаляпин, Александр Амфитеатров, богатый меценат из Нижнего Новгорода Василий Каменский. Занятия проходили на вилле Горького, для всех

¹Ленина приглашали читать лекции по аграрному вопросу (см.: «Архив А.М.Горького». Т. 14. С. 125).

рабочих нашли жилье. «Все ученики школы, — рассказывает Алексинская — имеют квартиру и стол от имени комитета школы, который им гарантирует шестимесячное пребывание за границей и покрывает все издержки путешествия» [7, с. 355]. О жилье для рабочих Алферов пишет: «Заботами А.В.Луначарского все поселились в трех домиках, хотя и скромно, но удобно, в нескольких комнатах, питались в общей столовой блюдами русско-итальянского характера. Заведование столовой взяла на себя Наталья Богдановна Богданова» [9].

И это еще не все: школа преподавала своим учащимся хороший урок демократии. Действительно, студенты играли активную роль в процессе обучения. Образование базировалось на неавторитарных принципах, и поэтому организаторам было крайне важно, чтобы учащиеся и преподаватели были равно представлены в административном совете школы, и чтобы во главе совета стояла смешанная группа, решения в которой принимались путем голосования [5, с. 66].

Главной целью организаторов было научить рабочих практическому применению полученных знаний, не ограничиваясь простой передачей теоретических сведений. Для этой цели программа была разделена на четыре основных предметных области: партийная организация, теория партии, философия пролетарской борьбы, современные проблемы. Каждый день после обеда рабочие посещали две лекции по два часа каждая; по утрам они занимались учебой, а вечером — практическими упражнениями. Предметы были распределены следующим образом: А.Богданов — занятия по политэкономии и истории общественной мысли; Г.Алексинский — финансы и история рабочего движения в Бельгии и Франции; А.Луначарский — история профсоюзов, история немецкой социал-демократии, история Интернационала и история искусства; М.Лядов — история партии; В.Десницкий-Строев — отношения государства и церкви; М.Горький — история русской литературы²; М.Покровский — история России. Речь шла о сложной программе, цель обучения заключалась не только в формировании партийных активистов, но и в создании культурной базы, которая бы позволила рабочим самостоятельно создать собственную культуру, естественно, пролетарскую.

От рабочих требовались серьезные творческие усилия. По несколько часов в день они занимались тем, что писали доклады, газетные статьи, листовки, готовили выступления. На практических занятиях студентов учили техника убеждения и методам пропаганды среди широких масс. Особое внимание уделялось постановке голоса и приемам политической полемики. Для этой цели имитировались настоящие предвыборные кампании, в которых каждый участник представлял определенную партию и должен был попытаться привлечь аудиторию на свою сторону.

Из-за высокого интеллектуального уровня преподавателей и сложной программы учеба давалась студентам нелегко, о чем свидетельствует Косарев: «Наши первые статьи и выступления были, по большей части, низкого качества; хотя нас и выбрали из большого количества претендентов, состав учащихся был неоднородным: некоторые были достаточно подготовлены, некоторые едва закончили начальную школу» [5, с. 70].

Чтобы уместить в несколько месяцев столь насыщенную программу, студенты занимались целыми днями, с утра до восьми вечера, всего с одним свободным днем в неделю. Работа прерывалась только на время обеда, периодически проводились экзамены и контрольные работы для проверки полученных знаний и навыков. Нагрузка была очень высокой, и через несколько дней организаторы были вынуждены ограничить продолжительность занятий, оставив в конце время для вопросов и пояснений. Так или иначе, если судить по фотографиям, на которых рабочие и преподаватели запечатлены на каприйских пляжах, и по воспоминаниям участников событий, время находилось и на развлечения. «Горький, — пишет Косарев, — у которого часто гостили художники, музыканты, писатели, устраивал вечеринки. Читал свои новые произведения, организовал домашние концерты. Кроме чаю, здесь выпивалось немало хорошего вина» [5, с. 67].

Однако Ленин не собирался признавать себя побежденным и продолжил борьбу с каприйцами, попытавшись убедить учащихся перебраться в Париж, где он, в свою очередь, открыл собственную школу. В октябре 1909 года на Капри было доставлено специальное приложение к № 47—48 «Пролетария» со статьей под заголовком «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» [22, с. 76-108], в котором Ленин жестко критиковал школу и ее преподавателей, в особенности, Богданова. Чтобы ответить на эти обвинения, Богданов провел собрание для учащихся и преподавателей, на котором прочёл свою ответную статью на ленинскую критику. Однако пятеро рабочих (И.И.Панкратов, Н.Ю.Устинов, А.С.Романов, В.Е.Люшвин, Н.Козырев) отказались осудить выводы большевистского центра. Эти пятеро рабочих, к которым позже присоединился М.Вилонов, направили в редакцию «Пролетария» письмо, в котором заявили о своем несогласии с платформой Богданова. После этого выступления они покинули школу и перешли на сторону Ленина. Татьяна Алексинская в своих воспоминаниях высказывает серьезные сомнения в искренности побуждений рабочих. Революционерка утверждает, что выбор пятерых учащихся был вызван корыстными интересами, а не глубокими политическими убеждениями. Действительно, по замыслу организаторов, через месяц школа должна была прекратить свою деятельность, а решение перейти на сторону Ленина давало студентам возможность продлить свое пребывание в Европе [7, с. 361].

Разрушению каприйского политического союза, помимо раскола среди учащихся, послужили и мотивы личного характера, которые осложнили отношения между участниками проекта: знаменитая актриса Мария

² Лекции по истории литературы Горького были опубликованы в 1939 г. (Горький М. История русской литературы. Серия «Архив А.М.Горького». Москва, 1939).

Андреева, гражданская жена Горького, не отличавшаяся, по свидетельствам современников, легким характером, питала сильную неприязнь к Богданову и испытывала ревность к супруге Луначарского, отношения с которой осложнились уже за несколько месяцев до открытия школы, об этом рассказывает сама А.Луначарская в своих «Воспоминаниях» [8]. Не менее сложными были отношения между гражданской женой Горького и некоторыми из рабочих. Например, Вилонов жаловался, что Андреева ставила ему в укор его крайнюю бедность. Русский рабочий, страдавший туберкулезом, нуждался в постоянном лечении и поэтому был вынужден обращаться к писателю за материальной помощью.

«Доктор прописал ему оставаться, — пишет Алексинская, — в лодке два или три часа под лучами солнца. С больными легкими он не может ходить пешком до пляжа и обычно едет на фуникулере, который стоит ему каждый раз 50 сантимов. Если накануне он противоречил жене Горького, она забывает дать ему деньги, и он вынужден либо просить ее — “как нищий”, говорит он, — либо оставаться без лечения» [7, с. 360].

Вероятно, Андреева, привыкшая быть примадонной в театре, так же держала себя и в повседневной жизни: ее поведение резко противоречило духу товарищества и сотрудничества, воодушевлявшего основателей школы. На самом деле, напряжение между Вилоновым и Андреевой появилось еще до открытия школы. Фактически около середины мая 1909 года Горький писал Богданову: «У нас возникли заграничные отношения; почвою для них послужило недоверие Михаила к практичности Марии Фёдоровны. Подробно описывать, из-за чего загорелся сыр-бор, мне противно, скажу лишь, что каких-либо причин нет. Главное психология Фомы Опискина. Михайло наговорил М.Ф. оскорбительных вещей, попробовал и меня наградить тем же. Ведет он себя великим барином и дальнейшее его пребывание под одной крышей с нами — вредно ему и невыносимо для нас. Надо, чтобы он переселился на другую квартиру» [16, с. 135].

Еще больше усложнила положение публикация в московской газете «Утро России» от 15 ноября 1909 года новости об исключении М.Горького, Богданова, Луначарского и Базарова из Социал-демократической партии. Новость немедленно распространилась и заставила Богданова, Луначарского и Горького направить коллективное опровержение.

18 декабря 1909 года Каприйская школа окончательно прекратила работу, и рабочие покинули остров в сопровождении Луначарского, который в Риме провел для них последнее занятие по общей истории искусств [7, с. 70].

Переход части учащихся к Ленину и разногласия — по большей части, личного характера — между организаторами, положившие конец политическому товариществу, выявили слабые стороны каприйского проекта. Надежды, которые левые большевики возлагали на естественную склонность рабочего класса к коллективизму, не оправдались. В этом смысле ярким примером может послужить ход интеллектуального развития Вилонова с его прибытия на Капри до смерти в Давосе в 1910 году по причине туберкулеза, подхваченного в тюрьме в России. Если в начале января 1909 г. Горький характеризует его как образец новой рабочей интеллигенции, то уже в конце того же года он пишет: «Такие люди, как Михаил, не могут обеспечить нормального функционирования партии. За время, меньшее, чем год, я его видел материалистом по Плеханову, эмпириомонистом, яростным противником центра, “Пролетария”, Ленина, проводил его отсюда сторонником Ленина, но все же эмпириомонистом, не знаю, кто он сегодня и кем будет завтра. Он истерик» [23, с. 223].

В сущности, Горький, на глазах которого с закрытием Школы умерла, по его собственным словам, его «надежда № 101» [16, с. 229], увидел в Вилонове все недостатки, которые осуждал в буржуазной интеллигенции. К тому же далеко не все интеллектуалы, согласившиеся принять участие в проекте, разделяли утопическую концепцию школы и чрезмерную веру Горького, Луначарского и Богданова в каприйский эксперимент. Жена Алексинского в своих воспоминаниях приводит любопытное и крайне реалистическое мнение мужа, который серьезно сомневался в возможности достичь значимых результатов: «Он [Алексинский] считает, что, если речь идет о подготовке грамотных активистов для рабочих организаций, школа может оказаться полезной. Но если мы собираемся создать новую цивилизацию, вырастив некоего гомункулуса под названием «сознательный рабочий», проект обречен на провал. Человек сложнее овоща. Из спаржи и огурцов можно искусственным путем получить новые скороспелые сорта, но, обращаясь таким образом с людьми, мы рискуем вырастить скороспелых приматов» [6, с. 470].

Согласно документам, находящимся в распоряжении историков, личные разногласия между организаторами сыграли определяющую роль в прекращении сотрудничества Горького и Богданова. В ссорах М.Ф.Андреева оказалась главным действующим лицом, хотя долгие годы в советский период считалось, что дружба двух товарищей по партии прекратилась исключительно из-за политических разногласий [8].

А.А.Луначарская

Каприйская школа³

Инициатором, вдохновителем и организатором Каприйской школы был замечательный уральский рабочий Михаил Вилонов. Михаил Вилонов приехал на Капри, чтобы спастись от чахотки, которую он нажил в результате жестокого избиения после побега из Уфимской тюрьмы. Очень быстро он приобрел уважение и

³ Текст публикуется впервые: Луначарская А.А. Каприйская школа // Архив А.М.Горького ИМЛИ РАН. МоГ 8-14-1. Машинопись с подписью.

дружбу со стороны Горького и Богданова, а также моего и Луначарского. Каприйский климат оказался благоприятным для него, и он начал мечтать о возможности привезти на Капри несколько десятков избранных рабочих и организовать партийный университет с тем, чтобы месяца через четыре они вернулись в Россию уже просвещенными политически.

Сначала эта идея показалась несбыточной, но наша жажда увидеть русских рабочих и поработать с ними, в конце концов, так завладела нами, что превозмогла все препятствия. Горький оказал очень большую поддержку материальную, а Вилонов с риском ареста и смерти, так как состояние его здоровья было еще очень тяжелым, лично отправился в Россию за рабочими.

Летом 1910 года он вернулся с 20-ю рабочими, выбранными различными организациями в разных концах России. Это была очень разнородная публика. Некоторые были просто середняки рабочие, другие же наоборот отличались блестящими способностями⁴. Преподавателями в этой школе были Горький, Богданов, Алексинский, Лядов, Десницкий-Строев. Рабочие были проникнуты огромным энтузиазмом, но, к сожалению, ЦК решило сделать все возможное, чтобы разрушить Каприйскую школу. Вплоть до того, что послали одного товарища — Старовера⁵, который был настоящим агентом Ленина. Когда дело дошло до политической декларации, то оказалось, что не все 20 человек учеников стоят на передовой⁶ точке зрения. Особенно огорчительно было то, что сам Михаил Вилонов пошатнулся. Отношения с ним обострились до того, что его объявили буквально изменником. Страсти разгорелись и в результате Вилонов с ленинцами уехали в Париж, а остальные отправились в Россию.

Я, несмотря на свою молодость, совершенно по-матерински относилась к ученикам и завязала с ними большую дружбу. Особенно близкими были для меня Косарев⁷ и «Аркадий» — Федор Иванович Калинин⁸. Был там еще Яков⁹, который уходил от нас в меньшевизм. Это был чрезвычайно умный, с широкими взглядами человек, но, несомненно, всем своим существом склонявшийся к меньшевизму. У нас происходили постоянные страстные споры, в которых я принимала самое активное участие. Горький читал там о русской литературе. Анатолий Васильевич преподавал историю германской социал-демократии, теорию и историю профессионального движения, вел практические занятия по агитации, а к концу провел еще курс всеобщей истории искусства, который имел огромный успех среди рабочих.

Мы с Анатолием Васильевичем жили и питались вместе с рабочими. Хозяйством заведовала жена моего брата, позднее я взялась за него и старалась всячески баловать вкусными вещами учеников. Все шло замечательно хорошо. Мы жили в самом тесном общении друг с другом и тут я особенно поняла, насколько мне более близка психология рабочих, чем психология интеллигентов, которая в те времена представлялась мне всегда расхлябанной и меньшевистской.

Занятия происходили на даче Горького, куда я в виде исключения ходила для того, чтобы слушать лекции. Это было чудесное время, полное мечты о будущем и веры в него. И когда школа закрывалась, и ученики разъехались, мне было тоскливо, словно я потеряла что-то очень дорогое. И роскошные краски Капри потускнели для меня. Дело в том, что я относилась к школе не только политически, но и со всем увлечением молодости. Каждый ученик, каждый рабочий был для меня индивидуальной особью, с которой у меня были глубоко личные отношения. Каприйская школа со своими рабочими, такими жизнерадостными, простыми и искренними отчасти отогнала мою тоску и скорбь, и мое разочарование в Горьких.

18 апреля 1956 г.

1. Scherrer J., Steila D. Gor'kij — Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma: Carocci, 2017. 764 p.
2. Лившиц С. Каприйская партийная школа // Пролетарская революция. 1924. № 6(29). С. 33-74.
3. Лившиц С. Партийная школа в Болонье (1910—1911 гг.) // Пролетарская революция. №3(50). М., 1926. С. 109-144.
4. Лившиц С. Партийные университеты подполья. (Капри, 1909 г. Болонья, 1910—11 гг. Лонжюмо, 1911). М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 144 с.
5. Косарев В.М. Партийная школа на острове Капри // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 65-71.
6. Aleksinskaja T. Les souvenirs d'une socialiste russe // La Grande revue. 1923. № 9. P. 445-472.
7. Алексинская Т. Из записок русской социал-демократки // Мосты. 1968. № 13-14. С. 352-363.
8. Чони П., Ариас-Вихиль М.А. Воспоминания А.А.Луначарской о Максиме Горьком [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3(15). URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (дата обращения: 09.01.2019).
9. Алферов К.А. Встречи с А.М.Горьким. Архив А.М.Горького ИМЛИ РАН. МоГ 1-27-1.
10. Панкратов И.И. Воспоминания об Алексее Максимовиче Горьком и о школе, созданной им на острове Капри // АГ. МоГ 11-28-1.
11. Алексинский Г.А. La vie amère de Maxime Gorki. Grenoble; Paris: Arthaud, 1950. 284 p.

⁴ А.Луначарская подтверждает то, о чем писал Косарев в своей статье, опубликованной в 1922 году в журнале «Сибирские огни».

⁵ И.И.Панкратов (Старовер) был в числе учеников, покинувших Каприйскую школу, чтобы уехать к Ленину.

⁶ Группа «Вперёд» — группа в РСДРП, созданная на Капри в декабре 1909 года по инициативе А.А.Богданова и Г.А.Алексинского и объединившая, помимо других членов, некоторых лекторов и учеников каприйской школы. Платформа группы называлась «Современное положение и задачи партии», в ней указывались задачи группы — «создавать» и «распространять в массах новую пролетарскую культуру», «развивать пролетарскую науку». Группа имела кружки в Париже и Женеве. В 1910 г. группой была основана рабочая школа в Болонье.

⁷ В.М.Косарев (Борис) был в числе учеников, перешедших на сторону Ленина.

⁸ Ф.И.Калинин (Аркадий) был слушателем Каприйской школы и одним из организаторов Болонской школы. После революции принял активное участие в движении Пролеткульта.

⁹ К.А.Алферов (Яков) во время революции 1917 года перешел на меньшевистские позиции, но в 1918 году снова вступил в партию большевиков. Работал в государственных и профсоюзных органах.

12. Луначарский А.В. Несколько воспоминаний к 35-летию юбилею литературной работы М.Горького // Огонек. 1927. № 44. 30 октября.
13. Архив А.М.Горького ИМЛИ РАН. Дневник К.П.Пятницкого 1905—1913.
14. Луначарский А. Мое партийное прошлое // Великий переворот (Октябрьская революция). Ч. I. Пг.: Изд-во З.И.Гржебина, 1919. 99 с. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-pechatleniya/vospominania-iz-revolucionnogo-proslogo/v> (дата обращения: 09.01.2019).
15. Горький М. Неизданная переписка. М.: Наследие, 1998. С. 343.
16. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2001. 624 с.
17. Gloveli G. La scuola di Capri // V.Strada (a cura di). L'altra rivoluzione. Gor'kij, Bogdanov Lunacharskij la scuola di Capri e il marxismo altro. Capri: La Conchiglia, 1994. 165 c.
18. Scherrer J. Un philosophe ouvrier russe: M.E.Vilonov // Le mouvement social. 1980. № 11. P. 165-188.
19. Ревякина И. Intersezione di destini: Maksim Gor'kij e Michajl Vilonov // Strada V. (a cura di). L'altra rivoluzione: Gor'kij, Lunačarskij, Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri: La conchiglia, 1994. P. 111-139.
20. Луначарская А.А. Каприйская школа. Архив А.М.Горького ИМЛИ РАН. МоГ 8-14-1. Машинопись с подписью.
21. De Michelis C. Il socialismo come religione: una tentazione che si ripete // Gioventù evangelica. 1973. № 22. P. 27-30.
22. Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. XIX. М.: Издательство политической литературы, 1968. 628 с.
23. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 8. М.: Наука, 2001. 605 с.

References

1. Scherrer J., Steila D. Gor'kij — Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma, Carocci Publ., 2017. 764 p.
2. Livshits S. Kapriyskaya partiynaya shkola [Capri Party School]. Proletarskaya revolyutsiya, 1924, no. 6(29), pp. 33-74.
3. Livshits S. Partiynaya shkola v Bolon'e (1910—1911 gg.) [Party School in Bologna (1910—1911)]. Proletarskaya revolyutsiya, no. 3(50). Moscow, 1926, pp. 109-144.
4. Livshits S. Partiynye universitety podpol'ya. (Kapri, 1909 g. Bolon'ya, 1910—11 gg. Lonzhumo, 1911) [Party underground universities (Capri, 1909. Bologna, 1910-11. Longjumeau, 1911)]. Moscow, 1929. 144 p.
5. Kosarev V.M. Partiynaya shkola na ostrove Kapri [Party school on the island of Capri]. Sibirskie ogni, 1922, no. 2, pp. 65-71.
6. Aleksinskaya T. Les souvenirs d'une socialiste russe. La Grande revue, 1923, no. 9, pp. 445-472.
7. Aleksinskaya T. Iz zapisok russkoy sotsial-demokratki [Notes of one member of the Russian social-democratic party]. Mosty, 1968, no. 13-14, pp. 352-363.
8. Choni P., Arias-Vikhil' M.A. Vospominaniya A.A.Lunacharskoy o Maksime Gor'kom [Memoirs of A.A. Lunacharskaya about Maxim Gorkiy [Electr. resource]]. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, 2018, no. 3(15). Available at: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (accessed: 09.01.2019).
9. Alferov K.A. Vstrechi s A.M.Gor'kim. Arkhiv A.M.Gor'kogo IMLI RAN [Meeting with A.M. Gorkiy. Archive of M.Gorkiy in the Institute of World Literature named after A.M. Gorkiy of Russian Academy of Science]. MoG 1-27-1.
10. Pankratov I.I. Vospominaniya ob Aleksee Maksimoviche Gor'kom i o shcole, sozdannoy im na ostrove Kapri [Memories of Alexei Maximovich Gorkiy and of the school he created on the island of Capri]. AG. MoG 11-28-1.
11. Aleksinskiy G.A. La vie amère de Maxime Gorki. Grenoble; Paris, Arthaud Publ., 1950. 284 p.
12. Lunacharskiy A.V. Neskol'ko vospominaniy k 35-letnemu yubileyu literaturnoy raboty M.Gor'kogo [Some memoirs to the 35th anniversary of M.Gorkiy's literary work]. Ogonek, 1927, no. 44, 30 oktyabrya.
13. Arkhiv A.M.Gor'kogo IMLI RAN. Dnevnik K.P.Pyatnitskogo 1905—1913 [Archive of M.Gorkiy in the Institute of World Literature named after A.M. Gorkiy of Russian Academy of Science. Diary K.P. Pyatnitsky 1905-1913].
14. Lunacharskiy A. Moe partiynoe proshloe [My days in the party]. Velikiy perevorot (Oktyabr'skaya revolyutsiya). CH. I. Petrograd, 1919. 99 p. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-pechatleniya/vospominania-iz-revolucionnogo-proslogo/v> (accessed: 09.01.2019).
15. Gor'kiy M. Neizdannaya perepiska [Unpublished correspondence]. Moscow, 1998, p. 343.
16. Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Pis'ma in 24 vols, vol. 7. Moscow, 2001. 624 p.
17. Gloveli G. La scuola di Capri. V.Strada (a cura di). L'altra rivoluzione. Gor'kij, Bogdanov Lunacharskij la scuola di Capri e il marxismo altro. Capri, La Conchiglia Publ., 1994. 165 p.
18. Scherrer J. Un philosophe ouvrier russe: M.E.Vilonov. Le mouvement social, 1980, no. 11, pp. 165-188.
19. Revyakina I. Intersezione di destini: Maksim Gor'kij e Michajl Vilonov. Strada V. (a cura di). L'altra rivoluzione: Gor'kij, Lunačarskij, Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri, La conchiglia Publ., 1994, pp. 111-139.
20. Lunacharskaya A.A. Kapriyskaya shkola. Arkhiv A.M.Gor'kogo IMLI RAN [The Capri school. Archive of M.Gorkiy in the Institute of World Literature named after A.M. Gorkiy of Russian Academy of Science]. MoG 8-14-1. Mashinopis' s podpis'yu.
21. De Michelis C. Il socialismo come religione: una tentazione che si ripete. Gioventù evangelica, 1973, no. 22, pp. 27-30.
22. Lenin V. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works], vol. XIX. Moscow, 1968. 628 p.
23. Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Pis'ma in 24 vols, vol. 8. Moscow, 2001. 605 p.

Cioni Paola, Arias-Vikhil Marina. Memoirs of the Capri School. The article focuses on the evidence of the work of the Capri School that were left by the direct participants to the events. This information was little used by researchers to recollect the facts, since most sources have not been published yet, others were completely forgotten. For instance, the memoirs of T.Aleksinskaya, first published in 1923 in the French émigré magazine "La Grande revue", have never been used by historians. However, the memoirs of A.A.Lunacharskaya and those of some workers who studied at school, have not been published yet. At the same time, if the recent publication by researchers Y.Scherrer and D.Steila of the complete collection of letters between school organizers and other Bolshevik leaders became the basis for understanding various aspects of the ideological and political dispute related to the creation of the Capri School that had decisive importance for the future development of Bolshevism, the testimony of other protagonists in the Capri experiment add more information to the overall picture. In the second part of the article, we present the unknown memoirs of A.A.Lunacharskaya stored in the Gorkiy's archives of the Institute of World Literature of the Academy of Sciences, in which she talks about the Capri School.

Keywords: Gorkiy, Anna Lunacharskaya, Bogdanov, party school in Capri, workers.

Сведения об авторах. Паола Чони — директор Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге, кандидат исторических наук; paola.cioni@gmail.com; М.А.Ариас-Вихиль — старший научный сотрудник Архива А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького, кандидат филологических наук; marina.arias@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019.